

УДК 165.1

DOI:

10.15372/PS20190404

С.Е. Овчинников**МОЖЕТ ЛИ НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ
БЫТЬ НОРМАТИВНОЙ?***

В статье рассматривается проблема нормативности натурализованной эпистемологии. Последняя сравнивается с традиционным подходом к эпистемологии, в рамках которого нормативность является следствием априорной истинности утверждений. Поскольку в натуралистическом подходе не существует априорной истинности, то требуется либо найти другой источник нормативности, либо переформулировать понятие подходящим образом. Предлагается рассматривать дескриптивные суждения в качестве нормативных не прибегая к дополнительным источникам нормативности. При этом, избежать натуралистической ошибки позволяет рассмотрение эволюционно сложившихся эпистемических механизмов человека.

Ключевые слова: натурализм, эпистемическая норма, априорная истинность, дескриптивное суждение.

S.E. Ovchinnikov**COULD NATURALISTIC EPISTEMOLOGY BE NORMATIVE?**

The article studies the problem of normativity in the framework of naturalized epistemology. The latter is compared with the traditional approach to epistemology, in which normativity is a consequence of the a priori truth of statements. Since there is no a priori truth in the naturalistic approach, it is either necessary to find another source of normativity, or reformulate the concept in an appropriate way. It is proposed to consider descriptive judgments as normative without resorting to additional sources of normativity. At the same time, the naturalistic fallacy can be avoided by considering the evolutionarily developed epistemic mechanisms of human.

Keywords: Naturalism, epistemic norm, a priori truth, descriptive judgment.

Натурализму, как и почти любой философской концепции, сложно дать определение, но можно выделить общую особенность данного подхода. Последняя заключается в использовании результатов и методов науки в качестве надежных инструментов для решения традиционных

* Публикуется в авторской редакции.
© Овчинников С.Е., 2019

философских проблем. Натурализм, таким образом, противостоит традиционной философии в двух, на наш взгляд взаимосвязанных, аспектах. В рамках первого изменяется роль субъекта в познании, а в рамках второго, статус эпистемических норм. Традиционная эпистемология, как правило, использует трансцендентальный субъект (либо вовсе игнорирует его наличие) в качестве носителя априорно истинных норм, а все остальное (дескриптивное) знание выстраивается с оглядкой на указанные нормы. Натурализм стирает границу между эпистемическим статусом норм и дескриптивного знания, поскольку обращается к эмпирическому субъекту. Кажется, что следствием такого стирания будет то, что натуралистическая эпистемология не претендует на нормативность. Можно было бы согласиться с П. Фейерабендом относительно того, что нормативная эпистемология – это пустое морализаторство, и продолжить исследование в дескриптивном ключе, но мы придерживаемся более традиционного подхода, в рамках которого «сугубо дескриптивная эпистемология – эпистемология лишь по названию» [11. P. 273], следовательно, необходимо сформулировать понятие эпистемической нормы таким образом, чтобы натурализм сохранял нормативность.

Ф. Китчер в работе «The Naturalists Return» [12] отмечает, что «общим местом для всех разновидностей натурализма является оппозиция по отношению к концепции чистой философии Фреге-Витгенштейна» [12. P. 55]. Последняя подразумевает автономность эпистемологии. В рамках аналитической философии изначальные принципы познания должны быть известны a priori, т.е. не могут зависеть ни от науки, ни от индивидуальной психологии. Данные требования выполняются при помощи редукции познания к вопросам логики и языка, т.к. считается, что последние даны a priori. Также, по мнению Фреге, происхождение знания не может иметь отношения к его обоснованию. Напротив, в основании натурализованной эпистемологии лежит отрицание этих тезисов. Натурализм, предполагает отказ от априорности и обращение к психологии [12. P. 57–59].

Возврат к психологии подразумевает исследование субъекта познания, т.е. «анализ знания, не ограничивается более определением логических отношений между пропозициями, в которых субъект убежден (proposition believed), но принимает во внимание так же процессы, которые формируют состояние убежденности (states of belief)» [12. P. 60]. Для прояснения этого обратимся к проблеме Гегтиера. Как известно, традиционная философия рассматривает знание как истинное и обосно-

ванное убеждение. Сформулированные Э. Геттиером контрпримеры демонстрируют, что в некоторых случаях наша интуиция относительно знания не совпадает с традиционным определением и, таким образом, последнее необходимо пересмотреть. Истинность заключений, которые делают «агенты Геттиера» является логической, но, тем не менее, эти заключения не соответствуют реальной ситуации, которую обзрывает внешний наблюдатель. Это происходит потому, что эпистемическое обоснование, которое является фундаментом знания, включает в себя не только «отношения пропозиций», но и психологические процессы. Но вопрос о том, какую именно роль психология играет в процессе обоснования, остается открытым.

А. Голдман описывает роль психологического субъекта посредством введения двух стадий эпистемического обоснования. На первой происходит отбор стандартов обоснования, а на второй применение этих стандартов, т.е. получение знания: «В течении эволюции общества, критерий надежности (reliable) применялся к различным процессам формирования убеждений и методов... Обоснование ожиданий о будущих битвах при помощи внутренностей животных рассматривалось как нормальное. Когда процесс или метод ведет к большой частоте истинных выводов, он рассматривается как обоснованный... в то время как стандарты выбираются путем проверки на надежность, применяются они напрямую!» [8. P.11]. Следует уточнить, речь идет не о большой частоте, а о достаточно большой частоте. Так как предсказать исход сражения почти невозможно, то гадание на внутренностях в принципе выглядит легитимным. Отбираются именно стандарты, а сами формы получения знания зависят от стандартов. Не важно на чем гадать, это один общий стандарт рациональности, который был «нормальный», когда события почти невозможно было предсказывать более точно (по тем или иным причинам). Ясно, что у одного субъекта может одновременно быть множество стандартов рациональности, причем как сами стандарты, так и способ выбора из них имеют психологическую природу. В обыденной жизни не требуется очень высокой «надежности», научное сообщество по сути навязывает ее своим новым adeptам. Но вопрос в том «когда же утверждение на самом деле обоснованно, а не считается обоснованным в данном сообществе?» [9. P.11]. Сам А. Голдман отвечает, что суждение действительно обосновано, когда оно является следствием действительно надежных критериев обоснования, но не заостряет внимания на вопросе, о том в каком случае мы обладаем действительно надежными критериями.

Возможен и более радикальный подход к роли исследования субъекта: «эпистемология или что-то вроде этого, просто является разделом психологии и, таким образом, естественной науки. Она изучает естественный феномен, а именно человека с физической точки зрения... Но явное различие между старой эпистемологией и новой в том, что мы можем теперь свободно использовать эмпирическую психологию» [13. Р. 75]. Отметим, что У. Куайн рассматривает эпистемологию как одну из эмпирических наук, но мы, вслед за А. Голдвином считаем, что эпистемология, хотя и «нуждается в помощи наук, особенно когнитивных» [8. Р. 3], сама при этом не является эмпирической наукой, т. к. допускает некоторый вид априорного обоснования. Возможность такого обоснования в рамках натуралистического подхода является предметом дискуссии. Например, говоря об отношении натурализма к отрицанию психологии и априоризму Ф. Китчер отмечает, что «в то время как эпистемологи спорят о том, какая из двух предпосылок Фреге на самом деле является эпистемологической ошибкой, натуралистическая эпистемология, как я ее понимаю, отрицает обе» [12. Р. 58]. Еще более явно отрицание априоризма выражает М. Девитт: «существует только один способ познания, эмпирический способ, который является основанием науки. Таким образом, я отрицаю априорное знание» [6. Р. 2]. Натуралистическая аргументация против априорного знания сводится к тому, что не существует некоторой Рациональности, познание которой позволяло бы получать истины о мире и которую мы могли бы выразить при помощи логических или каких-либо других принципов. Тем не менее, нужно прояснить, что именно отрицается. В этой связи, отметим некоторые характеристики, традиционно приписываемые априорному знанию, в частности, непогрешимость, необходимость и внеопытность.

В действительности натурализм отрицает не априорное обоснование как таковое, а лишь априорную истинность обоснования. Ясно, что в рамках натуралистического подхода не существует непогрешимого знания, но можно ли признать внеопытное? Ответом на это является концепция биологического а priori К. Лоренца, которая подразумевает, что существует априорное знание индивида, которое основано не на некоторой идеальной рациональности, а на эволюционной истории его вида в целом, т.е., в конечном итоге, на вполне эмпирическом знании. Таким образом, возникает вопрос о том, как определить какие процессы являются частями фундаментальной когнитивной архитектуры человека, а какие относятся к усвоенным методам, который решается в рамках естественно-научного исследования.

Ясно, что не все психологические процессы влияют на эпистемологию, следовательно необходимо отделить те, результатом которых является знание от прочих: «возможно, что центральная задача эпистемологии и философии науки состоит в определении видов процессов, которые должны протекать в психологической жизни субъекта [для получения знания]» [12. Р. 62]. Указанные процессы можно рассматривать как основания для некоторых пробных эпистемических норм, поскольку «вполне возможно предположить, что познающий обоснованно убежден в чем-либо просто в силу правильной эпистемической процедуры, которая предписывает данное убеждение» [10. Р. 27]. Таким образом, необходимо выяснить, что делает ту или иную эпистемическую процедуру подходящей, но, при этом не приводящей гарантировано к истине, как в случае традиционной эпистемологии, поскольку «не только любое утверждение науки может быть пересмотрено, но и эпистемологические принципы, которые формируют эти утверждения, тоже могут быть пересмотрены в свете опыта» [12. Р. 69]. В рамках натуралистического подхода, от эпистемолога требуется сформировать концепцию знания на основании изучения подходов, которые существовали или существуют в научной практике или же на основании априорного знания субъекта. Эта концепция, с очевидностью, будет погрешима. Но может ли погрешимая концепция быть нормативной?

Источником нормативности в традиционной эпистемологии является априорная истинность, которая, как мы обсуждали ранее, коренится в свойствах субъекта. В системе, базовые положения которой не зависят от опыта (т.е. не могут быть пересмотрены), эпистемические нормы сущностно отличаются от эмпирического знания, а значит могут претендовать на роль «третейского судьи». Иными словами, убеждения строго разделены на два вида: абсолютно обоснованные и те, которые выводятся из первых. В такой системе обоснование заключается в демонстрации того, каким образом убеждение получено из абсолютно обоснованных убеждений, что равносильно установлению соответствия конкретного убеждения эпистемическим нормам. Г. Лейбниц выражает эту концепцию наиболее явно: «Есть также два рода истин: истины разума и истины факта. Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны, и противоположное им возможно. Основание для необходимой истины можно найти путем анализа, разлагая ее на идеи и истины более простые, пока не дойдем до первичных» [2. С. 33].

За описанием нормативности натуралистической эпистемологии вновь обратимся к У. Куайну: «нормативная область сохраняется при переходе к натурализму, и она касается искусства построения гипотез» [1. С. 92]. В этой области можно обнаружить такие принципы, как консерватизм и простота, более того в ней нет места механическому подходу к построению гипотез: «построение хорошей гипотезы – это искусство, а не наука. Это – искусство науки» [1. С. 93]. Роль этих норм У. Куайн сравнивает с аппендэктомией, т.е. искусственной корректировкой негативных побочных эффектов естественного отбора. Современные исследователи разделились относительно способа формирования эпистемических норм на два лагеря. Первые развивают интерналистскую стратегию традиционной философии, которая предполагает, что обоснование знания (т.е. проверка на соответствие нормам) целиком зависит от субъекта и не требует обращения к внешнему миру. В частности, Р. Чисхолм предлагает следующий взгляд на обоснование: «Эпистемическое обоснование является объективным, интерналистским и непосредственным. Оно интерналистское и непосредственное поскольку можно напрямую, при помощи рефлексии, обнаружить обоснование убеждения в любое время. Эпистемическое обоснование объективно, поскольку оно само конституирует объект обоснования и знание. Возможно знать, что мы знаем и возможно иметь обоснование убеждения» [4. Р. 7]. Иными словами, если человек имеет непосредственный доступ к эпистемическому обоснованию, то процесс обоснования сводится к интроспекции. «Эпистемологическая теория является интерналистской если предполагает, что эпистемический статус супервентен относительно внутреннего состояния субъекта (mental state)» [6. Р. 145], т.е. эпистемология определяется внутренним состоянием субъекта. Два субъекта с одинаковым состоянием, будут делать одинаковые выводы, а если субъекты производят разные выводы, значит они обладают разным внутренним состоянием. Недостаток интернализма связан с тем, что эпистемическая норма может играть двойную роль. С одной стороны, в рамках некоторой нормы можно оценивать убеждение как истинное или ложное, а с другой, норма может выступать в качестве методологии получения истинных убеждений. Интерналистская стратегия предполагает использование норм лишь в качестве оценок уже имеющихся убеждений, но ничего не говорит о том, как получать истинные убеждения. Более того, в рамках интернализма «эпистемические принципы могут быть получены и применяться, можно сказать, прямо не вставая со стула, не привлекая никакую помощь извне» [5. Р. 76].

Экстерналисты, в свою очередь, видят обоснование убеждений в том, что должно существовать отношение между убежденностью и состоянием мира, которое делает эту убежденность истинной [3. Р. 166]. Экстернализм отрицает супервентность эпистемологии относительно состояния субъекта. Вместо этого предлагается «каузальная теория познания», предполагающая что некоторое убеждение, является следствием факта внешнего мира. Д. Армстронг, который и ввел термин «экстернализм», иллюстрирует экстерналистский подход при помощи аналогии между термометром, определяющим температуру и убеждением, которое определяет истину [3. Р. 166]. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы уметь отличать «надежные» термометры от «безответственных» и решается путем эмпирического исследования. Иными словами, в рамках натурализованной эпистемологии, нормы выводятся, тем или иным образом, из утверждений, полученных в ходе дескриптивного исследования. В таком случае, возникает вопрос: «в чем различие между эпистемическими нормами и дескриптивными утверждениями, из которых они выведены?» [14. Р. 16]. Ответ на этот вопрос, предполагает указание источника, из которого эпистемические нормы получают свою нормативную силу. Но такого источника, ввиду принципиальной погрешности знания и эволюционного происхождения человека, просто нет. По всей видимости, не существует качественного различия между эпистемической нормой и дескриптивным суждением. Вместо традиционного понимания эпистемических норм как абсолютных истин относительно познания, предполагается существование иерархии этих норм, но ни одна из них не претендует на абсолютность. Здесь необходимо обсудить возможные скептические возражения, относительно порочного круга в эпистемическом обосновании. Действительно, натуралистический подход предполагает, что надежность нормы зависит от эмпирических утверждений, из которых следует надежность других эмпирических утверждений, полученных в результате применения этой нормы. Тем не менее, необходимо (и действительно познавательная практика демонстрирует это) признать некоторые убеждения более обоснованными чем другие. Познание начинается с признания некоторого утверждения в качестве истины. Эти базовые утверждения, по нашему мнению, являются не «истинами разума», как предполагает интерналистская традиция, а эволюционно возникшими находками. Надежность последних достаточна для осуществления познания и, поскольку теория эволюции позволяет осознать эти находки, может быть улучшена, также как оптическая теория и микроскоп улучшают способность зрительного восприятия.

Таким образом, в рамках натурализованной эпистемологии нет сущностного различия между нормативным и дескриптивным знанием. Все знание получено из одного источника – из взаимодействия между человеком и миром. Тем не менее предлагается рассматривать некоторые части дескриптивного знания в качестве эпистемических норм, т.е. таких утверждений на фоне которых дескриптивное знание может быть скорректировано. Преимущество такого подхода относительно традиционной эпистемологии состоит в том, что и сами нормы могут и в действительности изменяться. Недостаток, в свою очередь, в том, что возникают все предпосылки для обвинения натуралистической эпистемологии в совершении натуралистической же ошибки. На это можно возразить, что субъект обладает априорными и относительно надежными механизмами познания, возникшими в результате эволюции, результаты работы которых можно рассматривать в качестве «первичных», но не непогрешимых норм.

Литература

1. *Kuain U.B.O.* От стимула к науке. – М.: Канон+, 2016.
2. *Лейбниц Г.-В.* Сочинения в четырех томах: Т. I. – М.: Мысль, 1982.
3. *Armstrong D.* Belief, Truth and Knowledge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
4. *Chisholm R.* Theory of Knowledge. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
5. *Chisholm R.* On Metaphysics. // *Revue de Métaphysique et de Morale*, – 1989. No. 96 (1). P. 120–129.
6. *Devitt M* Coming to Our Senses. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996
7. *Feldman R.* In search of internalism and externalism / *The Externalist Challenge*. – Berlin & New York: de Gruyter. 2004.
8. *Goldman A.* A Priori Warrant and Naturalistic Epistemology // *Philosophical Perspectives*, – 1999. Vol. 13, Epistemology P. 1–28.
9. *Goldman A.* Epistemic Folkways and Scientific Epistemology / *Philosophy Meets the Cognitive and Social Sciences*, – 1992. Cambridge, MA: MIT Press, P. 155–175.
10. *Goldman A.* The Internalist Conception of Justification // *Midwest Studies in Philosophy*, – 1980. No 5 (1). P. 27–51.
11. *Hull D.* Biology and Philosophy / *Contemporary Philosophy: A New Survey*, – 1982. P. 281–316.
12. *Kücher P.* The naturalists return. // *The Philosophical Review*, – 1992. No. 1 (101). – P. 53–114.
13. *Quine W.* Epistemology Naturalized / *Ontological Relativity and Other Essays*, New York: Columbia University Press. 1969.
14. *Trybulec B.* Is Naturalism Normative? The Function of Epistemic Norms Within Naturalized Epistemology // *Percipi*, -2008 No. 2. P. 15–27.

References

1. *Quine, W.* (2016) *Ot stimula k nauke* [From stimulus to science]. M.: Kanon+.
2. *Leibniz, G.* (1982) *Sochineniya: V 4 t* [Works: In 4 vol.]: T. I. – M.: Mysl Publ.
3. *Armstrong, D.* (1973) *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. *Chisholm, R.* (1966) *Theory of Knowledge*. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
5. *Chisholm, R.* (1989) *On Metaphysics*. *Revue de Métaphysique et de Morale*, 96 (1), 120–129.
6. *Devitt, M.* (1996) *Coming to Our Senses*. Cambridge: Cambridge University Press
7. *Feldman, R.* (2004) *In search of internalism and externalism. The Externalist Challenge*. Berlin & New York: de Gruyter.
8. *Goldman, A.* (1999) *A Priori Warrant and Naturalistic Epistemology*. *Philosophical Perspectives*, 13, 1–28.
9. *Goldman, A.* (1992) *Epistemic Folkways and Scientific Epistemology*. *Philosophy Meets the Cognitive and Social Sciences*, Cambridge, MA: MIT Press.
10. *Goldman, A.* (1980) *The Internalist Conception of Justification*. *Midwest Studies in Philosophy*, 5 (1), 27–51.
11. *Hull, D.* (1982) *Biology and Philosophy*. *Contemporary Philosophy: A New Survey*, 2, 281–316.
12. *Kitcher, P.* (1992) *The naturalists return*. *The Philosophical Review*, 1 (101), 53–114.
13. *Quine, W.* (1969) *Epistemology Naturalized. Ontological Relativity and Other Essays*, New York: Columbia University Press.
14. *Trybulec, B.* (2008) *Is Naturalism Normative? The Function of Epistemic Norms Within Naturalized Epistemology*. *Percipi*, 2, 15–27.

Сведения об авторе

Овчинников Степан Евгеньевич – младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090, Россия, step.ovch@gmail.com)

Information about the author

Ovchinnikov, Stepan Evgen'evich – Institute of Philosophy and Law (8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia, step.ovch@gmail.com)

Дата поступления 10.12.2019